

Ю.Л. БУЛАХОВСКАЯ
(Киев)

ПАМЯТИ АНДРЕЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КУЛИНИЧА

В Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко в последнее время установилась такая «культурная традиция», как организация конференций памяти видных писателей и учёных, в первую очередь преподавателей или же выпускников этого Университета, а также издания сборников: то ли юбилейных, то ли просто «Воспоминаний», с этими людьми связанных.

Хочу, правда, сказать, что воспоминания – вещь опасная. Некоторые авторы «вспоминают» (сознательно или же по ошибке) о юбиляре или же о том человеке, который сейчас оказывается «в центре воспоминаний», то что совершенно не соответствует действительности, превращая, таким образом, свои воспоминания в некий новый вид научной фантастики. Некоторые – вспоминают почему-то лишь мелкие и преимущественно отрицательные факты из жизни «юбиляра». Но некоторые воспоминания в таких сборниках или выступления на конференциях – действительно очень интересны, содержательны и несомненно благожелательны. Хочу, чтобы мои воспоминания (несмотря на их краткость и фрагментарность) оказались именно такими.

Андрей Васильевич Кулинич принадлежал к числу не только уважаемых, но и просто любимых преподавателей филологического факультета Киевского университета. Думаю, что это – не только моё личное мнение, но и моих однокурсников, студентов 2-го выпуска русско-славянского отделения филфака и многих студентов-русистов – отделения, параллельного нашему, с которым многие предметы, например, русскую и украинскую литературы, литературу античную и философию, мы слушали вместе.

Время, когда мы учились (1948-1952), – а я потом ещё училась в университете и как аспирантка-очница – было, пожалуй, трудным в чисто физическом смысле (разрушенное здание Университета; занятия вечерние, вернее, даже ночные – от 8-ми вечера до 12-ти ночи, – по школам в

разных районах Киева; весной, осенью и летом – обязательная работа в колхозах; обязательная работа по «разбиранию» разрушенного Крещатики), но, с другой стороны, это было время несомненного психологического подъёма после окончания войны – а многие наши преподаватели, например, Иван Константинович Белодед и сам Кулинич, были недавними участниками боевых действий. Поэтому – и преподаватели, и студенты ценили счастье жить, учиться и творчески работать.

Наш курс был дружен, хотя состав, в возрастном отношении, оказался весьма пёстрым; самому старшему из нас, фронтовику Петру Иванову, было 32 года, а мне 16 (я очень рано пошла в школу и в эвакуации, в Уфе, ещё перешла через класс). В Университете, на 1-м курсе, у меня до декабря не было паспорта.

У нас на курсе, среди множества женщин (сначала девушек, а потом замужних) очень молодых, вроде меня, было немного – вероятно, я да Алла Багмут. Мужской состав нашего курса был «пёстрым» во всех отношениях: два чеха, приехавших сюда учиться; Валентин Струтинский, участник боевых действий с протезом ноги; Андрей Маляренко, потерявший во время оккупации глаз; два мальчика приблизительно моего возраста: Всеволод Нестайко – сын учительницы и Олег Микитенко – сын репрессированного писателя и учительницы.

Андрей Васильевич Кулинич был официально назначен куратором нашего курса. Поэтому он нас и учил русской литературе, и следил за нашими ежедневными занятиями по всем предметам и сессионными успехами, и ездил с нами в колхоз на полевые работы.

Я выросла в филологической семье и с детских лет очень хорошо знала художественные тексты русской и украинской классики (Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Грибоедова, Гоголя, Фонвизина; Шевченко, Франко, Леси Украинки, Марка Вовчка, Коцюбинского, особенно Квитку-Основьяненко), советскую классику (Шолохова и Горького) – гораздо хуже, а вот современных мне украинских классиков я как раз знала отлично (П.Тычину, М.Рыльского, Н.Бажана, Ю.Яновского) – это по эвакуационным годам, в Уфе.

То, чему нас стал учить А.В.Кулинич, было для меня, например, в известной степени новостью – не внешней, конечно, а в «глубинах» творчества и его «новой» природы. Сам он заряжал нас своей любовью к совре-

менности, к русской литературе и прежде всего к Сергею Есенину. Есенин ведь был особенно близок молодёжи! Мы же росли и на иностранных писателях (Жюлье Верне, Майн Риде, Шарлотте Бронте, Джеке Лондоне; в известной лишь степени на В.Гюго и Ги де Мопассане). Но то всё-таки было нечто иностранное, а это – органически родное, и по слову, и по духу: и «Галочья стая на крыше служит вечерню звезде», и «Ты жива ещё, моя старушка», и «Собаке Качалова».

Что же касается Андрея Васильевича, то он не просто знал, а обожал то, чему нас учил, и что стремился нам внушить и передать.

Наш курс видел его часто и близко не только в лекционной обстановке, но и в гостях – у нас дома и в семье Олега Микитенко. Он не был гостем, которого угощают и, как-никак, ублажают: он же наш преподаватель! Отнюдь нет. Мы, безусловно, соблюдали некую дистанцию, но не искусственную, а естественную: ведь он был немного старше нас и был раненым фронтовиком, многое повидавшим и многое пережившим. Он относился ко мне лично – хорошо (как и ко всем остальным моим однокурсникам), еще и потому, что я искренне любила литературу и вела себя всегда прилично; потому что могла написать приличный доклад (даже на младших курсах я не боялась «профессорской» аудитории слушателей), но нисколько особо не выделял меня как отличницу и, тем более, как дочь академика и руководителя кафедры в университете, дочь того, в чьей семье он часто находился в гостях.

Наши разговоры (а они всегда естественно кружили вокруг литературы) были серьёзными по содержанию, иногда даже горячими, но всегда в рамках культурных, потому что и он, и его студенты истинно были такими.

Квартира у нас была большая и... полупустая (мы же приехали в Киев, как стояли, из эвакуации, куда не взяли с собой ничего, кроме «искреннего энтузиазма»). После наших бесед с ним мы часто танцевали под патефон и привлекали к развлечениям нашу домашнюю собаку Дзету: я дудела в игрушечную дудочку, а она самозабвенно выла, думая, что выступает перед публикой.

Угощение на таких вечерах было скудное: чай, торт, пирожки. Однажды мама сделала их с горохом, и сначала никто не хотел их брать, но

мама сказала, что в двух пирожках из тридцати она запекла монеты «на счастье», и все размели пирожки, в погоне за этим счастьем.

После окончания пятого курса я осталась в университете в очной аспирантуре, куда меня не хотели брать, считая, что я слишком маленькая по возрасту, в жизни беспомощна, а все курсовые и дипломные, конечно же, писал мой отец! Сражаться за моё право поступления в аспирантуру пошёл со мною Андрей Васильевич, доказывая (и с чистым сердцем), что учусь я хорошо – сама; что я весьма неплохо разбираюсь в литературе и что сама писала курсовые и диплом: он их читал и «изучал» меня персонально на практических занятиях и на экзаменах. «Ручаюсь, – говорил он, – что Юля сможет быть в аспирантуре: она самостоятельна “на филологическом фронте”».

Параллельно с аспирантурой я пошла работать старшим редактором в «Держлітвидав України» (потом он стал называться «Дніпро»). Там я научилась многому. Редактирование в области украинистики мне не поручали (в связи с относительно слабым тогдашним моим знанием украинского языка). Зато поручали другое: черновой перевод некоторых французских сценариев и общение с делегациями из Москвы и Ленинграда – по причине правильности русской речи и неоязвности профессуры.

Издавали мы тогда полузапретного Есенина, и тут мне очень пригодились лекции и просто разговоры о нём с Андреем Васильевичем. «Откуда ты так хорошо его знаешь и понимаешь?» – спрашивали меня, и я отвечала, что от Кулинича.

Когда надо было сделать некоторые фактические примечания при издании Есенина, я тоже спрашивала у Кулинича, хотя уже давно не была под его университетской опекой.

Думаю, что, если бы все преподаватели моей эпохи были такими же порядочными, такими же влюблёнными в своё дело и в свой предмет, как Андрей Васильевич, то Университет взлетал бы постоянно всё выше.

Рада, что имею возможность написать пару строк в память Андрея Васильевича. Только мне не верится, что его уже нет, а мне уже 80 лет, а не... 16?